

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1 (165.5)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МИМЕТИЧЕСКОГО КРУГА П. РИКЁРА В РАЗЛИЧНЫХ НАРРАТИВНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ ПРОШЛОГО¹

А. Б. Аникина

Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск)
lieda27@gmail.com

Аннотация. Научный исторический и мифологический нарративы о прошлом сосуществуют независимо друг от друга, однако в последнее время они все чаще смешиваются. Чтобы найти способы выделить те свойства, которые позволяют различать их, мы обращаемся к концепции тройственного мимесиса П. Рикёра. Нарративы представляют собой когнитивные инструменты, поэтому они практически вездесущи. Поскольку в нарративе как таковом не содержится ничего, что позволило бы отличить один тип от другого, необходимо обратить внимание на то, как они функционируют, на способы репрезентации реальности, которые используют разные типы нарративов. Для этого в статье используется концепция миметического круга П. Рикёра, которая позволяет учитывать не только собственно нарративное измерение, но и его «глубину», степень приближения к реальности.

Ключевые слова: П. Рикёр, миметический круг, нарратив, репрезентация прошлого, Сталинский миф.

Для цитирования: Аникина, А. Б. (2020). Функционирование миметического круга П. Рикёра в различных нарративных репрезентациях прошлого. *Respublica Literaria*. Т. 1. №. 2. С. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.5-19

FUNCTIONING OF THE P. RICOEUR'S MIMETIC CIRCLE IN THE VARIOUS NARRATIVE REPRESENTATIONS OF THE PAST

A. B. Anikina

Novosibirsk State University (Novosibirsk)
lieda27@gmail.com

Abstract. Scholar's and mythological historical narratives coexist independently, but now they have been increasingly confused. To find ways to compare them and highlight the properties which distinguish them, we turn to P. Ricoeur's concept of triple mimesis. Narratives are cognitive tools, so they are almost omnipresent. Since there is nothing in the narrative that would distinguish one type from another, it is necessary to pay attention to how they function, to the ways of representing reality that use different types of narratives. For this, the article uses the concept of P. Ricoeur's mimetic circle, which takes into account not only the narrative dimension itself, but also its "depth", the degree of approximation to reality.

---

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00801. «Концепция тройственного мимесиса П. Рикёра как основание верифицируемости исторических нарративов».

The article was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No 20-011-00801 "The Concept of the Tripartite Mimesis of P. Ricoeur as the Basis for Verification of Historical Narratives".

Keywords: P. Ricoeur, mimetic circle, narrative, representation of the past, Stalin myth.

For citation: Anikina, A. B. (2020). Functioning of the P. Ricoeur's mimetic circle in the various narrative representations of the past. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 5-19. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2.5-19

По данным Левада-центра «в 2019-м году суммарные оценки положительного отношения жителей России («восхищение», «уважение» и «симпатия») к Сталину достигли максимального показателя за все годы исследований – их демонстрировал каждый второй участник опроса» [Динамика отношения к Сталину, 2019]. Наиболее значительно (на 12 %) выросло число респондентов, испытывающих «уважение» к вождю. С одной стороны, этот факт не имеет никакого отношения к исторической науке. История занимается изучением событий прошлого независимо от того, вызывают ли они симпатию или отвращение у людей современных. Однако, с другой стороны, этот факт кое-что говорит об обращении с прошлым в нашей стране, а история все еще претендует на монополию на достоверное прошлое. Однако в обществе эти претензии уже не воспринимаются всерьез, о чем говорит, в том числе, и приведенный факт.

Дело здесь не столько в фигуре самого Сталина, речь идет о тенденции подменять историю мифологией. Историков, и вообще образованных людей, не может не беспокоить тот факт, что, несмотря на множество томов исторических исследований, хорошо написанных, основанных на документах, в обществе сохраняется запрос именно на миф. Это явление распадается на несколько аспектов. Помимо чисто социальных (низкий уровень жизни, образования, запрос на «порядок»), политических (целенаправленная пропаганда со стороны государства) и прочих, имеется и эпистемологический аспект, на котором мы остановимся в данной статье. Чтобы обоснованно разобраться в этом вопросе попробуем сравнить разные типы нарративов о прошлом – научный, мифологический и художественный.

Такое предложение может показаться очень странным, ведь считается, что это абсолютно разные дискурсы, они существуют в параллельных пространствах и не пересекаются. Однако мы видим, что на самом деле разные типы исторических нарративов сегодня активно выполняют функции друг друга. Государство, которое является одним из крупнейших заказчиков науки, поддерживает историческую мифологию. Художественные фильмы, которые и не претендуют на истинность, рассматриваются как «искажающие» действительность². Но с другой стороны, это происходит именно потому, что кино становится способом исследования реальности, в том числе, и прошлой. Судьи и парламенты выносят суждения об исторических событиях³. Журналисты делают масштабные расследования, претендующие на историческую достоверность⁴. Наконец, люди, имеющие

² Например, общественные дискуссии вокруг фильмов «Матильда» и «Смерть Сталина».

³ Процессы над нацистскими деятелями, признание геноцида армян парламентом Франции.

⁴ Например, фильм блогера и журналиста Ю. Дудя «Беслан».

ученую степень, пишут псевдонаучные исследования, хотя это как раз и не ново⁵. Здесь открывается возможность для сравнения: если разные нарративы о прошлом настолько взаимозаменяемы, значит между ними есть структурное сходство. В этом контексте более актуальной становится задача как раз найти различия между ними.

Почему такая ситуация стала возможной? Вероятно, в силу определенных свойств нарратива вообще. Самое базовое понятие нарратива дала Барбара Х. Смит: «кто-то рассказывает кому-то, что что-то произошло» [Smith, 1981, р. 209]. Звучит элементарно, но уже здесь имплицитно содержатся сложные вопросы: для чего рассказывает? почему именно об этом, а не о чем-то другом? почему именно так? Тогда обратимся к более формализованному понятию нарративного предложения, как его сформулировал А. Данто: «Нарративные предложения содержат ссылку, по крайней мере, на два разделенных во времени события, но при этом описывают более раннее из них» [Данто, 2002, с. 155]. Конечно, историческое повествование преимущественно описывает не одно событие, а множество, но суть та же – события описываются не сами по себе, а как имеющие значение для чего-то последующего. Исторический нарратив, как бы сложен он ни был, может быть сведен к нарративному предложению, что удобно в целях анализа. Таким образом, нарративы – это основной способ придания смысла человеческим действиям через организацию кажущихся несвязанными и независимыми элементов существования в единое целое [см.: Mink, 1987].

Нарратив как познавательный инструмент

Как показывает П. Рикёр, нарратив способен выполнять эти функции в силу того, что он обладает рядом важных свойств. Во-первых, ему присуща особая структура «начало–середина–конец», которая есть также структура события. Событие для Рикёра это привилегированный объект памяти, но, кроме того, и объект истории (хотя его статус в истории есть предмет споров). Такой изоморфизм представляет собой одну из причин, по которой нарратив становится столь удобной формой репрезентации прошлого: «нарративное действие пере-обозначает мир в его временном измерении в той мере, в какой рассказывать, повествовать – значит заново совершать действие» [Рикёр, 2000, с. 99]. Кроме того, повествовательная структура «начало–середина–конец» изоморфна течению человеческой жизни, которая объективно имеет начало и конец (в отличие от события, которое человеческое сознание выделяет произвольно из последовательности явлений окружающей жизни).

Во-вторых, нарратив обладает важной способностью интегрировать разрозненные факты в сюжет. Подобно тому, как рассказанное время, выводимое Рикёром из августиновского растяжения души, есть «несогласное согласие», так в нарративе на первый план выходит именно «функция “сведения воедино”», которая присуща рассказу,

⁵ Ярким примером служит докторская диссертация В. Р. Мединского [Гамзин, 2012; Козляков, 2014].

выступающему как целое по отношению к излагаемым событиям» [Рикёр, 2004, с. 338]. Это свойство связано с присоединением к повествовательной форме логической связности. Здесь нужно отметить изоморфизм, но уже между структурой нарратива «начало–середина–конец» и логической формой «причина–событие–следствие» или между структурой силлогизма «большая посылка–меньшая посылка–заключение».

Третье свойство нарратива, унаследованное от особенностей человеческой памяти – его избирательность. Мы не включаем в повествование абсолютно все события, но только те, которые укладываются в определенную логику: «любое повествование – это структура, налагаемая на события, которая одни события соединяет вместе, а другие исключает как не имеющие значения» [Данто, 2002, с. 136]. Если бы у нас не было механизма отделения значимого от незначимого, вряд ли было бы возможным осмысление мира⁶.

Логическая связность и критерий значимости, в свою очередь, обусловлены наличием общего смысла нарратива как целого, относительно которого и выстраивается логика повествования. Структурно смысл нарратива соответствует значению события в памяти или в истории. В нарративной схеме организации информации событие понимается, когда объясняются его роль и значение в связи с некоторыми целью, проектом или целым (человеческая жизнь, история). Значение и есть то, что делает событие чем-то большим относительно составных его элементов, что выделяет его из череды феноменов: «Значение события определяет устойчивое сохранение его результатов вдали от истоков. Оно коррелятивно значению самого рассказа, смысловое единство которого сохраняется в течение длительного времени» [Рикёр, 2004, с. 343].

Возможность и способность присваивать значение явлениям – это необходимое условие человеческого существования. Неумолимость и объективная бессодержательность двух пределов жизни – рождения и смерти – наводит ужас на человека, и он также прибегает к нарративам, позволяющим осмыслить, наделить хоть каким-то смыслом эти два предела, и как следствие, то, что между ними – его собственная жизнь – тоже обретает смысл. То есть, четвертое необходимое свойство нарратива, в приложении и к памяти, и к истории состоит в его способности придать смысл человеческим действиям, отличить их от просто физических явлений.

Указанные свойства делают нарратив самостоятельным познавательным инструментом в отношении прошедшего опыта. Его глубокая укорененность в жизненном мире соединяется с логической формой, позволяющей извлекать из этого мира существенные феномены и детали, осуществлять абстрагирование от бесконечного их многообразия для того, чтобы сделать их доступными для осмысления. «Термин “нарратив” обозначает

---

⁶ Любопытно, что процесс отбора феноменов опыта посредством нарратива аналогичен работе молекулярных механизмов долговременной памяти. Регулирование процессов запоминания происходит с помощью двух белков, один из которых активизирует усиление синаптических связей, а другой их подавляет. Для того, чтобы опыт был записан в память живого организма, сигнал о нем должен вызвать такую реакцию, которой будет достаточно не только для усиления синаптических связей, обеспечивающих запоминание, но и для отключения гена, подавляющего такие связи [Кандель, 2007, Глава 19].

различные формы, внутренне присущие процессам нашего познания, структурирования деятельности и упорядочивания опыта» [Брокмейер, Харре, 2000, с. 37].

Перечисленными свойствами определяется универсальность и повсеместность нарративов: мы хотим иметь дело только с тем, что имеет значение, и нарратив – инструмент выделения этого значения, не важно, идет ли речь о значении личности Сталина, сломанного ногтя или объемов финансирования образования. Форма «начало–середина–конец» и логическая структура «причина–явление–следствие» присуща всем естественным нарративам⁷. Все без исключения нарративы включают в себя одни факты и игнорируют другие. То есть, ни один нарратив на свете не является точной копией реальности и не может передать события, «как они были на самом деле». Способность наделять события и явления значением также присуща всем нарративам, как научным, так и мифологическим, а так же и художественным. Таким образом, нет никаких формальных признаков, чтобы отличить подлинно научный исторический нарратив от любого другого.

Однако важный вопрос состоит в том, как именно определяется значение, которым нарратив наделяет события? В рамках наивно-объективистских концепций полагалось, что значение присуще событию или явлению самому по себе, его надо лишь найти, правильно выяснить. В рамках постмодернистских направлений утверждалось, что значение это исключительно сконструировано автором нарратива. Затем велись поиски так называемого «среднего пути», появились различные версии конструктивизма. Мы здесь опять возвращаемся к концепции Рикёра как основанию, на котором возможно рассуждать о взаимодействии между реальностью и нарративом.

Рикёр полагал, что в жизни неявно содержится не смысл событий, а взаимосвязи между явлениями, которые, зачастую, нужно еще обнаружить. То, что предшествует нарративу в жизни, есть изменение положения вещей и получаемый таким образом опыт. Если зависимость, например, между стрелой и убитым животным налицо, то связь между семенем и урожаем не очевидна. Чтобы ее обнаружить, требуется способность проследивать изменения во времени, которая, как утверждает Рикёр, проявляется и артикулируется только в нарративных структурах. Если в жизни имеется очевидная связь между семенем и его плодами, то можно сказать, что для человека значение семени в том, чтобы дать урожай. Поскольку в жизни мы имеем дело с куда менее очевидными процессами, включающими множество вероятностных факторов, то и значение их неоднозначно, но это не значит, что оно произвольно. Просто кто-то лучше оценил включенность тех или иных факторов в процесс, а кто-то взял слишком общую схему.

В концепции Рикёра смысл нарратива – это постоянное напряжение между миром практики и его символической репрезентацией, в которой участвуют как минимум язык, культура и сознание. Это напряжение создается в процессе движения «миметического круга», механизма, с помощью которого происходит репрезентация событий и явлений

---

⁷ В XX в. литература находилась в поиске новых способов передачи бесконечного многообразия бытия и значительно в этом преуспела, предложив различные формы «неестественных нарративов» от открытого финала и литературы абсурда до произвольного порядка чтения и множественности миров [см.: Барышникова, 2014]. Однако все эти отступления возможны потому, что имеется естественная, базовая форма нарратива.

окружающего мира в индивидуальном опыте и в культуре. Миметический круг Рикёр разделяет на три фазы:

– рефигурация, или стадия предпонимания мира, т. е. обозначение тех вещей или явлений, с которыми человек имеет дело;

– конфигурация – собственно выстраивание логических взаимосвязей между явлениями и событиями;

– рефигурация – переобозначение явлений в соответствии с вновь полученными конфигурациями значений. Так происходит приращение индивидуального и коллективного опыта.

Посмотрим, как действует миметический круг в нарративах разного типа.

Научный нарратив

Обратимся для начала к историческо-научному нарративу, так как он позволяет в полной мере продемонстрировать возможности концепции Рикёра. В качестве примера возьмем статью Н. Петрова «Был ли Сталин преступником?» [Петров, 2002]. Можно ли рассматривать эту статью как нарратив? Можно рассмотреть два плана «событий»: в пространстве статьи (как рассказа) и в пространстве автора (в данном случае, оно же и пространство читателя). В пространстве статьи идет сухое перечисление эпизодов, за каждым из которых стоит жуткая история их исполнения, а за некоторыми из них – еще тысячи трагически оборвавшихся историй. Между эпизодами нет сюжетной связи, как нет логической связности между этими событиями. Здесь нет сюжетного начала и конца, но они нам известны, поскольку этот рассказ – часть рассказа об истории России. К сожалению, мы не можем остановиться на плане выражения, ввиду ограниченности объема статьи и, главным образом, ввиду иных целей. В целях сравнения нарративов нас интересует прежде всего логическая структура.

Собственно действие происходит в пространстве автора/читателя. Мы объединяем эти пространства, поскольку, предполагается, что автор и читатель живут в одном мире, у автора нет иного замысла, кроме как рассказать какие-то сведения об этом мире, и, хотя автор и знает больше читателя, любой читатель может узнать все то же самое без «залезания в голову» автору (безусловно, это все «идеальные условия»). Н. Петров отталкивается от факта, что существует двойственность в оценках личности Сталина. Тогда он задается вопросом, можем ли мы убрать эту двойственность, дав оценку деятельности Сталина опираясь на документально установленные факты и на критерии его времени. Поиск ответа и составляет сюжет статьи. Н. Петров приводит ряд фактов, давая им определенную интерпретацию, подводя читателя к выводу о том, что в критериях оценки своего времени и принятого на тот момент в СССР законодательства Сталин должен считаться преступником. «Событие» происходит в голове читателя: Сталин был «великий герой» «с точки зрения государственности», а становится преступником. Это событие может не произойти, если читателя не убедили аргументы Н. Петрова.

Чтобы аргументы звучали неубедительно, не обязательно оспаривать факты, на которые ссылается статья. С позиций нарратологии можно сказать, что статья уважаемого Н. Петрова – это литературное писание, поскольку: автор выбрал именно эти факты, но не привел данных, например, об успехах индустриализации или победе в войне; автор составил из этих фактов такую логическую цепочку, которая была удобна ему, чтобы привести читателя к заранее известному ему финалу, который автор задумал на основе своих вкусовых предпочтений. И все это – частное мнение Петрова, которое может убедить лишь того, кто уже заранее стоит на тех же идеологических позициях, что и автор.

Однако посмотрим на статью в терминах миметического круга. У автора есть представление о важных элементах той эпохи, о которой он пишет, о Конституции, структуре власти, а так же есть концептуальные категории: закон, ценность человеческой жизни, документ, преступление и пр. Есть объекты реальности, например, папки, озаглавленные «Список лиц, подлежащих суду военной коллегии Верховного суда Союза С.С.Р.», и множество других, на которые автор ссылается. На стадии префигурации эти предметы предобозначаются сначала как документы, заслуживающие доверия, а затем определяется, какие это документы в соответствии с базовыми понятиями и с реалиями (которые тоже ранее были установлены на основе документов) того времени. Таким образом, упомянутый «Список лиц» обозначается как «сталинский расстрельный список», согласно которому Сталин, Ежов, Молотов и некоторые иные члены Политбюро приговаривали людей к расстрелу, либо к лагерям без суда. На этих документах стоит подпись, (в результате экспертиз) понимаемая как подпись Сталина, и с этим фактом связаны представления о персональной ответственности за принятые решения и их исполнение.

Кроме ссылок на документы в статье Н. Петрова есть перечисление некоторых фактов, которые точно имели место в реальности и были подтверждены материальными свидетельствами, например, убийство Троцкого, Катынский расстрел, переселение некоторых национальностей и др. Катынское дело здесь является показательным примером, поскольку долгое время не была известна правда об этих событиях и они вписывались в разные нарративы. Автор приводит основания, почему он префигурирует этот факт как преступление Сталина: «виновность Сталина не подлежит сомнению: его подпись стоит на постановочной записке НКВД, подготовленной Берией» [Петров, 2002, с. 410]. Это еще одна нить, ведущая нас к реальности.

Фаза конфигурации предполагает объединение этих фактов в какую-то осмысленную картину. Это не просто полет творческой мысли, но факты объединяются в соответствии с какими-то схемами, парадигмами. Рикёр писал о парадигмах, как о глубинных структурах воображения, способных соединять «креативность и кодификацию» «парадигмы – это матрицы, предназначенные для порождения очевидных структур в неограниченном количестве» [Рикёр, 2004, с 355]. В данном случае при поверхностном взгляде можно выделить простую структуру силлогизма (хотя могут быть и более сложные схемы). Есть

большая посылка – положения Конституции СССР 1936 г., где провозглашалась неприкосновенность личности, жилища, тайна переписки, свобода слова, нарушение Конституции квалифицируется Уголовным Кодексом как преступление с соответствующим наказанием. Далее идет меньшая посылка, что Сталин лично причастен к нарушению прав, гарантируемых Конституцией. Соответствующий вывод состоит в том, что Сталин – преступник. Эта схема не может считаться произвольным вымыслом автора, поскольку таким же образом принимаются тысячи судебных решений.

Остается пересмотреть уже имеющиеся представления о прошлом с учетом того, что Сталин характеризуется как преступник, то есть происходит стадия рефигурации. Если «событие» не произошло, и мнение читателя не поменялось, то и рефигурация не состоится, поскольку читатель остался при своем мнении.

Мифологический нарратив

Теперь обратимся к мифологическому нарративу, в качестве примера возьмем заметку В. Жаронкина «О диктатуре большевиков – Сталина, и зачем она пригодилась» на сайте История.РФ [Жаронкин]. Насколько мы можем судить, она выражает типичные моменты, свойственные такого типа нарративам.

На стадии префигурации мы видим крайне мало отсылок к каким-либо фактам, тем более нет ссылок на документы (хотя История.РФ – это специализированный портал об истории, и там публикуются документы в том числе). Автор заметки полагает, что читателю известны необходимые факты: «Путь Сталина к вершинам власти известен в подробностях». Далее упоминается о том, что Сталин «расправился с Троцким, Бухариным, Рыковым, Зиновьевым, Каменевым и другими своими конкурентами» – и это единственные факты, которые упоминаются в статье, кроме факта принятия «Сталинской конституции» (так у В. Жаронкина). Других отсылок к общему для автора и читателя миру нет, все остальные данные приводимые в статье, являются оценочными суждениями. Как полагал А. Ф. Лосев, это и свойственно мифологическому сознанию, в котором явление не воспринимается само по себе, а воспроизводится на эмоционально-образном языке [Лосев, 1994]. Этот текст отсылает нас по преимуществу к его собственной реальности, уже префигурированной в его собственной логике, не давая читателю самому проделать этот путь. Это не позволяет нам увидеть факт в его самостоятельной ценности, независимой от процессов, в которые он оказался включен.

На этапе конфигурации также видны различия. Здесь мы видим свойственное мифу движение значений, в котором «дуальные оппозиции снимаются в ходе медиации – замены исходного противопоставления некоторыми производными образованиями с привлечением случайных фактов и конструируемых произвольно, с помощью ассоциаций, отношений» [Словарь философских терминов, 2007, с. 333]. Это стандартный прием: Сталин, конечно, был преступник, но народ его любил, Ленин тоже формировал режим личной власти, многих

репрессировали за дело, а страна индустриализировалась. Предлагаемые ассоциативные связи остаются в области смыслов, слов, они не выводятся из практики: из конкретных социальных отношений, из реальных процессов и их результатов, из опыта живых людей. Таким же образом можно построить ряд осмысленных суждений о том, что ложка – это в некотором смысле молоток, но вряд ли удастся забить ложкой гвоздь или поесть молотком. Однако люди, не представляющие, что такое ложка или молоток, не смогут судить об их свойствах только по этой цепи суждений, нужно иметь реальный опыт пользования этими предметами. Таким же образом, людям без специального образования сегодня сложно судить об экономических процессах столетней давности, людям без определенного опыта использования этических категорий трудно распознать неувязку в рассуждении о том, что индустриализация страны оправдывает репрессии.

Соответственно, в данном случае о рефигурации опыта речи не идет, поскольку новый опыт уже на этапе префигурации не может «пробиться» в данный нарратив, все неукладывающееся в него отсеивается как «не имеющее значения». Собственно, главная цель мифа – не фиксировать изменение опыта, а воспроизводить свою собственную реальность через ритуальное повторение и сакральную причастность. Популярность мифа объясняется именно его простотой для восприятия, способностью снимать противоречия, обеспечивая устойчивость идентичности, индивидуальной или коллективной.

Можно выделить еще много мифологических черт заметки авторства В. Жаронкина, но мы не будем на этом останавливаться, поскольку разница между мифологическим и историко-научным нарративом уже очевидна. Если мы обращаем внимание не только на логическую структуру, но на содержание, то с рациональной точки зрения уже невозможно утверждать, что научно-исторический нарратив совершенно неотличим от других вымышленных нарративов. Трудно отрицать, что конфигурация через ассоциативные связи и конфигурация через структуру силлогизма равно абстрактны и чужды для реальности, но содержательно они отличаются по своей способности репрезентировать конкретные связи, которые выводятся из практики. Историко-научный нарратив может репрезентировать реальность в определенной степени, отдельные ее элементы, которые могут иметь значение в том или ином отношении. Смысл научного исторического нарратива выводится из жизни, это результат предпонимания мира, которое Рикёр характеризует через «овладение сеткой взаимосвязей (*réseau d'intersignification*), конституирующих семантику действия через знакомство с символическими опосредованиями и с донарративными способами человеческого действия» [Ricoeur, 1983, p. 123].

Художественный нарратив

Несколько слов попробуем сказать и о художественных нарративах о прошлом, хотя это непростая задача. Существует достаточно много исследований о том, что в отличие от мифологических нарративов, художественные максимально схожи по структуре с собственно историческими (см.: Х. Уайт, Ф. Анкерсмит, O.L. Mink, D. Carr). И если Уайт и Анкерсмит

вполне спокойно относились к тому, что они неразличимы, то Карр, как и многие другие, пытался отстаивать их различие. Однако аргументы сторонников различия не кажутся вполне убедительными. Собственно, главный аргумент не менялся со времен Аристотеля: история рассказывает о произошедшем, а поэзия – о том, что могло бы произойти (Аристотель, *Поэтика*, 1451a36). Так в своей статье «История, художественная литература и человеческое время» Карр рассуждает: «в одном случае воображение в сочетании с другими способностями используется для выработки суждений, теорий, прогнозов и нарративов, повествующих о том, что же представляет, представлял или будет представлять собой реальный мир, а в другом случае оно используется для создания рассказов о персонажах, событиях ... которых никогда не было» [Карр, 2011, с. 172]. Но этот критерий ничего нам не дает. Во-первых, литература очень часто повествует о том, что реально существовало, а во-вторых, даже когда повествование заявляется как заведомо вымышленное, оно все равно может использоваться «для выработки суждений, теорий, прогнозов о том, что же представляет, представлял или будет представлять собой реальный мир» [Там же].

Другое, заявляемое различие между историей или литературой основывается на намерении автора: художественный и нехудожественный текст различаются не в том, что «первый состоит по преимуществу из неистинных высказываний, а, скорее, в том, что эти высказывания были задуманы автором как неистинные, не должны восприниматься как истинные и в действительности не воспринимаются аудиторией как истинные» [Там же, с. 170]. Но в таком случае, должны быть критерии, по которым читатели понимают, что эти суждения были задуманы автором как неистинные. Это могут быть формальные критерии: где издано произведение, в научном журнале или в серьезном издательстве, справочный аппарат, рецензии, но те, кто принимают решение о публикации суждений о прошлом, уже должны иметь более содержательные критерии. В качестве критерия нельзя рассматривать заявление самого автора о своих намерениях даже не потому, что мы не доверяем автору, а потому, что сам автор, как ни странно, создавая свой текст, тоже должен иметь эти критерии.

Рикёр в качестве отличительной черты исторических нарративов предлагает понятие «исторической интенциональности», которую он определяет, как «направление/ощущение ноэтической нацеленности (*le sens de la visée noétique*)⁸ создающей историческое качество истории» [Ricoeur, 1983, p. 253]. Французское слово *sens* можно перевести как «чувство», «ощущение», так и как «направление». Мы не всегда можем различить, направлено наше сознание на реальный объект или на воображаемый, но мы можем различить, куда мы хотим его направить. Позднее, в «Памяти, истории, забвении» Рикёр говорит о памяти как прицеливании и воспоминании как о том, на что наведен прицел (*la mémoire comme visée et le souvenir comme chose visée*) [Ricoeur, 2000, p. 27]. Таким образом, интенциональность можно понять в первую очередь как чувство, ощущение, наподобие того, которое

---

⁸ В переводе Т.В. Славко: «Под этим [исторической интенциональностью] я понимаю **СМЫСЛ** ноэтической направленности, создающей историческое качество истории» [Рикёр, 1998, с. 208].

подсказывает, как нужно навести прицел. Может быть, это не выглядит надежным критерием, поскольку мы опять упираемся в то, что мы не можем проверить извне, в некую субъективную направленность. Однако во многих случаях мы можем предполагать, какие ощущения испытывает человек по ряду внешних признаков, представляется, что «ощущение ноэтической нацеленности» не должно быть исключением.

Допустим, у автора есть «ощущение ноэтической нацеленности» на прошлое, но как это может определить читатель? Как мы уже говорили, это невозможно сделать, опираясь лишь на формальные характеристики текста. Как полагал Рикёр, референциальный момент, отличающий историю от вымысла имеет трехчастную природу: «Необходимо терпеливо соединять способы репрезентации со способами объяснения/понимания и, через них, – с документальным моментом и его предполагаемой матрицей истины – свидетельством тех, кто заявляет, что они находились там, где нечто случилось» [Рикёр, 2004, с. 357]. Это «терпеливое соединение» опять же можно представить с помощью миметического круга. Мы не будем здесь расписывать его так же, как в примере с научной статьей. Во-первых, потому, что есть множество работ, исследующих репрезентацию самых разнообразных проявлений реальности в художественных нарративах, начиная от «Мимесиса» Ауэрбаха [Ауэрбах, 1976]. Во-вторых, потому, что есть основания полагать, что мы не найдем здесь принципиального различия с функционированием мимесиса в научных нарративах. Можно попытаться разработать какую-то систему «учета» вымышленных фактов в художественных нарративах, допустимую «пропорцию» их соотношения с реальными фактами. Но маловероятно, что это даст хороший результат, так как история часто оперирует не только установленными фактами, но и очень вероятными фактами, которые, тем не менее, не подтверждаются документально. С другой стороны, литература, подобно «Архипелагу ГУЛАГ» А. Солженицина или кино, подобно фильму «Хрусталеv, машину!» А. Германа могут обращаться к историческим фактам, могут предлагать интерпретационные модели, могут даже основываться на свидетельствах и документах, но все равно они не смогут стать примером историко-научного нарратива.

Однако концепция миметического круга все-таки может помочь нам отличить художественный нарратив от научного. Отличие состоит в том, что если в мире исторической науки произойдет приращение опыта новыми фактами и документами, новыми концепциями, то исторический нарратив будет пересмотрен и в итоге переписан. Этот процесс Рикёр называл «репрезентированием» [Там же, с. 388-398]. Художественный же нарратив представляет собой замкнутый мир: изменяются наши интерпретации, но текст остается неизменным и как художественное произведение вряд ли потеряет свое значение. В то время как, если вскроются неизвестные ранее факты, каким-то образом демонстрирующие непричастность Сталина к совершенным преступлениям, то приведенная здесь статья потеряет свое значение и останется строчкой в библиографии, а историки напишут новые. Но она утратит свое значение именно в силу ее связи с реальностью, потому что у нас появились новые данные о прошлом.

Таким образом концепция миметического круга П. Рикёра дает нам инструменты или методологическую рамку для того, чтобы продвинуться в решении проблемы достоверности исторического познания. Эта концепция позволяет учитывать не только собственно нарративное измерение, но и его «глубину», степень приближения к реальности. Достоверные нарративы, если развернуть их в рамках миметического круга, всегда ведут к фактам «как таковым», несмотря на накладываемые на реальность мыслительные конструкции. Эти мыслительные конструкции могут быть деконструированы, а факты могут быть включены в иные нарративы. Это и обеспечивает успешную работу нарратива [см.: Аникина, 2015].

Мифологические же нарративы не дают такой «прозрачности», сквозь них не видны факты, они в большей степени представляют собой интерпретационные схемы, но при этом они позволяют включать в себя большое число противоречивых фактов, сглаживая тем самым противоречия и неувязки. Мифологический нарратив с большей легкостью выполняет интегративные функции и обладает определенными качествами, позволяющими снимать социальные противоречия, в связи с чем он так востребован сегодня. Поэтому следует признать, что в разных случаях закономерно пользоваться разными типами нарративов, в зависимости от задач. В таком случае важным вопросом становится, например, понять, допустимо ли строить государственную политику на мифологических нарративах? Или вопрос о возможности разрешения социальных противоречий на основе мифологических нарративов. Эти вопросы требуют дальнейшего исследования.

Список литературы / References

Аникина, А. Б. (2015). Дискурс истории: возможно ли заменить истинность на эффективность? *Вестник НГУ. Серия: Философия*. Т. 13. Вып. 1. С. 100-107.

Anikina, A. B. (2015). The Historical discourse: truth or effectiveness? *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*. Vol. 13. no. 1. pp. 100-107. (In Russ.)

Аникина, А. Б. (2016). Логика исторического процесса: ее конструирование и саморазрушение. *Сибирский философский журнал*. 2016. №. 1. С. 83-93.

Anikina, A. B. (2016). The logic of the historical process: its construction and autodestruction. *Siberian Journal of Philosophy*. no. 1. pp. 83-93. (In Russ.)

Анкерсмит, Ф. (2003). *История и тропология: взлет и падение метафоры*. М.: Прогресс-Традиция. 496 с.

Ankersmit, F. (2003). *History and Tropology. The Rise and Fall of Metaphor*. Moscow. 496 p. (In Russ.)

Ауэрбах, Э. (1976). *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской культуре*. М. 556 с.

Auerbach, E. (1976). *Mimesis. The Representation of Reality in Western Literature*. Moscow. 556 p. (In Russ.)

Барышникова, Д. (2014). Беспорядок дискурса (обзор работ по «неестественной» нарратологии). *Новое литературное обозрение*. № 6 (130). С. 325-332.

Baryshnikova, D. (2014). Disorder of Discourse (a review of works on “unnatural” narratology). *New Literary Review*. no. 6(130). pp. 325- 332. (In Russ.)

Брокмейер, Й., Харе, Р. (2000). Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. *Вопросы философии*. № 3. С. 29-42.

Brockmeier, I., Harre, R. (2000). Problems and Promises of an Alternative Paradigm. *Voprosy Filosofii*. no 3. pp. 29-42. (In Russ.)

Верч, Дж. (2018). Нарративные инструменты, истина и быстрое мышление в национальной памяти: мнемоническое противостояние между Россией и Западом по поводу Украины. *Историческая экспертиза*. № 2(15). С. 15-32.

Wertsch, J. (2018). Narrative Tools, Truth, and Fast Thinking in National Memory: A Mnemonic Standoff between Russia and the West over Ukraine. *The Historical Expertise*. no 2(15). pp. 15-32. (In Russ.)

Гамазин, А. (2012). Выдумки профессора Мединского. *Звезда*. № 4. С. 155-166.

Gamazin, A. (2012). The Fictions of Professor Medinsky. *Star*. no. 4. pp. 155-166. (In Russ.)

Динамика отношения к Сталину. [Электронный ресурс]. *Левада-центр*. 16.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (Дата обращения: 02.11.2020).

Dynamics of attitudes towards Stalin. [Online]. *Levada-tsentr*. 16.04.2019. URL: <https://www.levada.ru/2019/04/16/dinamika-otnosheniya-k-stalinu/> (Accessed: 02 Novem. 2020). (In Russ.)

Жаронкин, В. О диктатуре большевиков – Сталина, и зачем она пригодилась. [Электронный ресурс]. *История.РФ*. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/o-diktaturie-bolshievikov-stalina-i-zachem-ona-prigodilas> (Дата обращения: 01.11.2020).

Zharonkin, V. The dictatorship of the Bolsheviks and Stalin, and why is it useful. [Online]. *History.RF*. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/o-diktaturie-bolshievikov-stalina-i-zachem-ona-prigodilas> (Accessed: 01 Novem. 2020). (In Russ.)

Историческая память [Электронный ресурс]. *Левада-центр*. 22.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (Дата обращения: 02.11.2020).

Historical memory. [Online]. *Levada-tsentr*. 22.06.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/06/22/istoricheskaya-pamyat/> (Accessed: 02 Novem. 2020). (In Russ.)

Кандель, Э. (2012). *В поисках памяти. Возникновение новой науки о человеческой психике*. М.: Астрель; CORPUS, 2012. 736 с.

Kandel, E. (2012). *In Search of Memory: The Emergence of a New Science of Mind*. Moscow. Astrel; CORPUS. 736 pp. (In Russ.)

Карр, Д. (2011) История, художественная литература и человеческое время. *Философия и общество*. 2011. № 1. С. 160-179.

Carr, D. (2011). History, Fiction and Human Time. *Philosophy and Society*. no 1. pp. 160-179. (In Russ.)

Козляков, В. Н. (2014). О вакханалии празднословия. *Троицкий вариант – Наука*. № 155. С. 5.

Kozlyakov, V. N. (2014). On the bacchanalia of idle talk. *Troitsky variant – Science*. no. 155. p. 5. (In Russ.)

Лосев, А. Ф. (1994). *Миф – Число – Сущность* / Сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль. 919 с.

Losev, A. F. (1994). *Myth – Number – Essence*. Comp. Takho-Godi, A. A. Moscow. 919 pp. (In Russ.)

Петров, Н. (2002). Был ли Сталин преступником? *Историческая политика в XXI веке*. М.: Новое литературное обозрение. С. 396-420.

Petrov, N. (2002). Was Stalin a criminal? In *Historical politics in the XXI century*. Moscow. New Literary Review. pp. 396-420. (In Russ.)

Рикёр, П. (2000). *Время и рассказ. Т.1: Интрига и исторический рассказ*. М.-СПб.: Университетская книга. 313 с.

Ricoeur, P. (2000). *Time and Narrative. Vol. 1*. Moscow. St. Petersburg. University Book. 313 p. (In Russ.)

Рикёр, П. (2004). *Память, история, забвение*. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 728 с.

Ricoeur, P. (2004). *Memory, History, Forgetting*. Moscow. Publishing House of Humanitarian Literature. 728 p. (In Russ.)

Словарь философских терминов. (2007). Ред. В. Г. Кузнецов. М.: ИНФРА-М.
Kuznetsov, V. G. (ed.) (2007). *Dictionary of philosophical terms*. Moscow. (In Russ.)

Уайт, Х. (2002). *Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.* Екатеринбург. 547 с.

White, H. (2002). *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Yekaterinburg. 547 p. (In Russ.)

Mink, L. O. (1987). Narrative Form as a Cognitive Instrument in Mink L.O. *Historical Understanding*. ed. Br. Fay, E. O. Golob, and R. T. Vann. Ithaca and London: Cornell University Press. pp. 182-203.

Ricoeur, P. (1983). *Temps et récit. Tome 1*. Paris. Seuil. 324 p.

Smith, B. H. (1981). Narrative Versions, Narrative Theories, in *On Narrative*. Mitchell W. J. T. (ed.). Chicago. University of Chicago Press. pp. 209-232.

Сведения об авторе / Information about the author

Аникина Александра Борисовна – кандидат философских наук, преподаватель Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Пирогова, 2, e-mail: liedda27@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 20.11.2020

После доработки: 28.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Anikina Alexandra – Candidate of Philosophical Sciences, Lecturer at Novosibirsk State University, Novosibirsk, Pirogova, 2, e-mail: liedda27@gmail.com

The paper was submitted: 20.11.2020

Received after reworking: 28.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020